

Дмитрий Северюхин

ИНОРОДЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ В ПЕРЕВОДАХ

В.Ф. ХОДАСЕВИЧА

Ныне почти полностью забытые, поэтические переводы В.Ф. Ходасевича в известном смысле делят судьбу оригинальных стихотворений поэта на его родине. Между тем, эта неотъемлемая часть литературного наследия В.Ф.Ходасевича формировалась в пору наивысшего творческого подъема поэта, увенчанного выходом прославивших его сборников Путь Зерна /1920/ и Тяжелая Лира /1922/. Зрелый мастер, каким он предстает в этих книгах, Ходасевич в то же время явился создателем шедевров поэтического перевоплощения, далеко переступивших рамки стихотворных переводов в сегодняшнем понимании этих слов и ставших замечательным достижением отечественной литературы.

Большая часть стихотворений, переведенных В.Ф.Ходасевичем, лежит в области наименее известной русскому читателю т.н. "иностранческой" поэзии — поэзии малых народов, населявших старую Россию. Разумеется, Ходасевич не был "русским первооткрывателем" армянской или еврейской поэзии: на рубеже XIX и XX веков в этой области, наряду со специалистами по "национальным литературам", такими как Ю.Веселовский /армянская литература/ или Вл.Жаботинский и Л.Яффе /еврейская литература/, работали и многие известные русские поэты. Однако, если подвижники переводческой деятельности и инициаторы "иностранческих" литературно-художественных сборников, во главе с М.Горьким, решали задачу перевода, в первую очередь, в плане приобщения "национальных литератур" к сокровищнице мировой культуры, то значение поэтических переводов В.Ф.Ходасевича отнюдь не исчерпывается просветительской или же политической функцией. В то же время, дух филологической игры и страсть к "перестановкам и сочетаниям", породившие бесчисленную массу переводов К. Бальмонта и В.Брюс-

сева ^{х)}, были абсолютно чужды В.Ф.Ходасевичу. По всей видимости, обращение поэта к стихотворным переводам диктовалось, с одной стороны, стремлением выйти из круга привычных тем, образов и форм, расширить диапазон звучания собственной лири, а с другой стороны — явилось естественной попыткой поиска "родства" среди иноязычных поэтов. Так или иначе, тематика и формы стихотворений, переведенных В.Ф. Ходасевичем, чрезвычайно разнообразны: это народная песня и баллада, гекзаметры и сонеты, сатирическая сказка и стихи для детей, любовная лирика и философские раздумья; некоторые из них, как мы видим, не имеют аналогов в оригинальном творчестве поэта. И каждый являет нам чудо тактичного проникновения и вольного пребывания поэта в инородной поэтической стихии.

Работа над поэтическим переводом не была для В.Ф.Ходасевича в зрелые годы вынужденным занятием: время "переводной кабалы" /выражение Н.Я.Мандельштам/, безуспешно поглощавшей силы выдающихся поэтов старой школы и превратившей это своеобразное искусство в поденщину, еще не настало; в 1914-1922 годах он сравнительно много пишет и широко публикует свои оригинальные стихи и критику. Однако начало переводческой деятельности В.Ф. Ходасевича было связано именно с такой поденщиной. В 1910-1914, сотрудничая с возглавлявшимся В.М.Ан-тиком книгоиздательством Польза, он переводил прозу популярных французских и польских писателей, выпускавшуюся в виде маленьких книжечек. Несмотря на ироническое отношение само-

х) Небезынтересно следующее высказывание Ходасевича о Брюсове: "В поэзии он любил те же "перестановки и сочетания". С замечательным упорством и трудолюбием работал он годами над книгой, которая не была — да и вряд ли могла быть закончена: он хотел дать ряд стихотворных подделок, стилизаций, содержащих образчики "поэзии всех времен и народов"! В книге должно было быть несколько тысяч стихотворений. Он хотел несколько тысяч раз задушить себя на алтаре возлюбленной Литературы — во имя "исчерпания всех возможностей", из благоговения перед перестановками и сочетаниями".

/Некрополь, с. 44/

го переводчика к "желтым книжкам Универсальной Библиотеки",^{х)} переводы эти отличались высоким качеством и впоследствии неоднократно переиздавались. К этому периоду относятся и первые поэтические переводы В.Ф.Ходасевича: стихотворные фрагменты, вкрапленные в прозу. Речь идет о двух повестях поэта, прозаика и драматурга Казимира Пшервы Тетмайера Марина из Грубого и Яношик Нендза Литмановский; эти переводы выдержали несколько изданий в 1910-1918, а затем вновь были переизданы в 1956 и в 1960^{хх)}. Страницы прозы, основанной на фольклоре родины Тетмайера - Подгалья, - чередуются в этих книгах со своеобразными стихами - песнями татрских горцев, которые как в оригинале, так и в переводе В.Ф.Ходасевича, имеют самостоятельное значение, образуя единый гармонический цикл. Творчество Тетмайера пользовалось в начале века немалой популярностью и оказало определенное влияние на русских символистов. Примечательно, что в числе переводчиков его поэзии стоят имена двух ближайших друзей молодости Ходасевича - А.Я. Брысова /А еха /, брата В.А.Брысова и С.В.Киссина /Муни/^{хх)}. Однако до Ходасевича на русский язык переводились, в основном, созвучные символизму "декадентские" произведения этого "короля польских модернистов", а в десятитомное собрание сочинений Тетмайера, вышедшее в 1907-1911, "фольклорные" повести вошли в слабом, не содержащем стихотворных вставок, переводе. . . .

.. Среди других переводов, выполненных В.Ф.Ходасевичем для издательства Польза, - драма классика польской литературы Сигизмунда Красиньского Иридион /ранее опубликованная в переводе А.Уманского: Знание, СПб, 1904/, строки из которой впоследствии стали эпиграфом к стихотворению Золото /сб. Пу-

х) Некрополь, с.105.

хх) В советское время эти две повести печатались в виде романа под общим названием Легенда Татр, - отдельным изданием: ГИХЛ, М., 1960 и в книге: К.Тетмайер. Избранная проза. ГИХЛ, М., 1956. Перевод В.Ф.Ходасевича был в этих изданиях отредактирован и, по всей видимости, дополнен М.Абкиной.

ххх) См., например, книгу: Чтец-декломатор, т.Ш. 3-е, Киев, 1913., сс. 549-551.

тем Зерна/. Единственный известный нам стихотворный перевод В.Ф.Ходасевича из С.Красиньского — стихотворение "Ужель в последний раз я был тогда с тобой..." — был опубликован в журнале Северные Записки в 1913 году, когда, по сохранившимся свидетельствам, поэт вел переговоры с книгоиздателем К.Ф. Некрасовым — об издании в его переводе полного собрания С. Красиньского. Последнее обстоятельство позволяет сделать предположение о существовании других переводов из С.Красиньского, нам неизвестных.

Будучи поляком по происхождению, В.Ф.Ходасевич не только в совершенстве владел польским языком, но и принимал близко к сердцу судьбы польской культуры, интерес к которой у русской читающей публики заметно повысился в годы первой мировой войны — в связи с развернувшейся борьбой вокруг "польского вопроса". Полные трагизма строки стихотворения Эдварда Слоньского "Та, что не погибла" в переводе В.Ф.Ходасевича^{х)} — о разоренной войной стране и о поляках, вынужденных стрелять друг в друга, находясь во враждующих станах, — открывают альманах Мы помним Польшу, выпущенный под редакцией Марии Моравской издательством Прометей в 1915, — в числе многих выходивших в те годы литературно-художественных сборников, — посвященных польской тематике. В начале 1915 Ходасевич перевел еще два стихотворения Э.Слоньского: На пепелищах и "Все шло из туманной дали..."; второе из них нами не найдено.

В те же годы В.Ф.Ходасевич впервые обращается к переводам из Адама Мицкевича, которого знал и любил с детства. Рассказы Мицкевича в его переводах появляются в периодических изданиях. Первый стихотворный перевод из Мицкевича — "Смокли в воздухе ночном..." — появился в газете Утро России за 24-е февраля 1916, в составе рассказа Мицкевича Карила, никогда впоследствии не переиздававшегося по-русски. Более обстоятельная работа В.Ф.Ходасевича над переводами из А.Мицкевича началась, однако, лишь спустя несколько лет и явилась последним звеном переводческой деятельности поэта в России. В 1919-1922, по заказу московского издательства Творчество, он работает над книгой избранных произведений

^{х)} Другой русский перевод этого стихотворения см. в книге К.Висковатова Из жемчужин польской поэзии, Пг., 1915.

польского поэта. Со свойственной ему обстоятельностью он подвергает критическому рассмотрению все выполненные прежде русские переводы стихотворений Мицкевича. Его общий вывод об этой коллекции неутешителен. Ходасевич формулирует его во вступительной статье к сборнику: "Прежде всего, многие стихи Мицкевича, подчас замечательные не только своими литературными достоинствами, но и идейно занимающие важное место в творчестве польского поэта, не переведены вовсе... Далее, многое прекрасное в подлиннике, никогда не было переведено сколько-нибудь удовлетворительно. Общий уровень переводов из Мицкевича оказался очень не высок..."^{х)} Тем не менее, сборник, заказанный издательством, был составлен и включал 56 стихотворений и отрывков в переводе 25 русских поэтов, в том числе 6 стихотворений, переведенных самим составителем. Книга эта не увидела света по причинам весьма далеким от литературных, а имя Ходасевича не значится даже в самом полном указателе русских переводчиков А. Мицкевича^{хх)}. Между тем, поэтические достоинства и точность переводов Ходасевича неоспоримы, а переводы стихотворений "Смокли в воздухе ночном...", "Мотать любовь, как нить..." и Триолет — до сих пор являются единственными в русской литературе. Следует признать и тот факт, что перевод сонета Чатырдаг, выполненный Ходасевичем, превосходит все многочисленные, на протяжении полутора десятилетий появлявшиеся переводы, включая знаменитый перевод И. Бунина /1902/ и новейший перевод В. Левика /1974/. Оба упомянутые мастера, увлеченные задачей наиболее точно передать звукопись стиха, не смогли донести до читателя основной образ сонета — образ горы, которая "*Miedzy swiatem i niebem jak drogoman stworzenia...*", т.е. является посредником, толмачем, переводчиком между земным миром и небом. Стих "Бесстрастный драгоман всемирного творенья..." /Бунин/, как и стих "Бессмертный драгоман всего миротворенья..." /Левик/, —

х) Полностью эта статья вместе с переводами Ходасевича была напечатана лишь в 1970, в работе С. Балзы И истории русских переводов Мицкевича. /Советское славяноведение. 1970, №, сс. 672-673/.

хх) Адам Мицкевич в русской печати, 1825 - 1955, Библиографические материалы. М.-Л., Из-во АН СССР, 1957.

явно нуждаются в дополнительных разъяснениях. Ходасевич, жертвывая точностью звучания, идет на упрощение фразы А. Мицкевича и достигает смысловой ясности оригинала: "Меж небом и землей-толмач...". Перевод В. Левика страдает к тому же, досадной неточностью: если у А. Мицкевича о "прожащем мусульмане" говорится в третьем лице, то у Левика сонет звучит от лица этого мусульмана, в устах которого абсурдно обращение к христианскому стражу ворот рая Гавриилу х).

Повышенная отзывчивость к окружающей его жизни — столь важное свойство личности поэта — со всей очевидностью раскрывается в переводческой деятельности В. Ф. Ходасевича в период 1914-1918, когда, вопреки распространенному мнению о якобы присущем ему "резком неприятии действительности" хх), он участвует в выпуске так называемых инородческих литературно-художественных сборников, инициаторами которых были В. Брюсов и М. Горький. Эти издания, к работе над которыми были привлечены многие выдающиеся мастера поэтического перевода и такие широко известные поэты как А. Блок, М. Бунин, Ф. Сологуб, К. Бальмонт, Вяч. Иванов — явились, в определенной мере, коллективной реакцией русской поэтической элиты на шовинистический угар, сопутствующий войне, и откликом на трагедии малых народов России в годы, когда, по выражению Н. Бердяева, "национальность подменила Бога".

Первыми в ряду инородческих сборников стали вышедшие в 1916 Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней, под редакцией и со вступительной статьей В. Брюсова, и Сборник армянской литературы, под редакцией М. Горького. Вот фрагмент из очерка П. Макинциана ххх), открывающего вторую из

х) Таким образом, в переводе В. Левика усиливается смысловой диссонанс, отмеченный еще самим Мицкевичем, который писал в своем комментарии к сонету: "Оставляю имя Гавриила, как общеизвестное, но собственно стражем неба по восточной мифологии является Рамет...", /А. Мицкевич, Собр. соч. в 5 тт., ГИИЛ, М., 1948, т. 1, с. 492/.

хх) См., например, статью Л. Н. Черткова о Ходасевиче в Краткой литературной энциклопедии, М., 1975, т. 8, с. 300.

ххх) Павел Макинциан, известный армянский публицист и литератор, впоследствии — автор Красной книги В. Ч. К., расстрелян в 1938.

названных книг, показывающий, сколь своевременно было внимание русской общественности к армянам: "Разыгрывается одна из самых кровавых сцен жестокой истории Армении, и снова на карту поставлен вопрос национального бытия народа, а за густым туманом мирового пожара не видеть, не разгадать будущего..". Вклад Ходасевича в предпринятые издания составляют шесть пьес: стихотворение Старик из Вана одного из основоположников константинопольской школы в армянской литературе XIX века — Мкртича Пешикташяна; два лирических стихотворения классика новоармянской литературы Симбата Шахазиза; стихотворение Ованеса Туманяна "Пускай в неведомое, вдаль..." и его же сказка Капля меда, ранее напечатанная в пасхальном номере Утра России за 1916; наконец, стихотворение одного из составителей второго из вышеупомянутых сборников Ваана Териана На родине. Все эти стихотворения впервые прозвучали на русском языке в переводе В.Ф.Ходасевича, а его переводы названных стихотворений М.Пешикташяна и С.Шахазиза до сих пор являются единственными в русской литературе. Сказка Туманяна получила в советское время широкую известность в переводе С.Маршака х) — несмотря на формальное расхождение этого перевода с оригиналом. Стихотворение "Пускай в неведомое, в даль..." было впоследствии переведено М.Павловой xx). Этот перевод, формально столь же близкий к оригиналу, как и перевод Ходасевича, отличается от последнего отсутствием того незримого элемента, который превращает рифмованный подстроичник в поэтический перевод. Стихотворение В.Териана На родине было в 1941 переведено Вс.Рожественским. xxx) Этот перевод, несмотря на свои несомненные поэтические достоинства, далеко отстоит от оригинала и не несет в себе того заряда высокой поэтической скорби, который так явственно роднит творчество Ходасевича со стихами цикла Ночь и воспоминания /1908-1912/ его армянского ровесника.

х) См., например, в книге: О.Туманян. Стихотворения и поэмы. Л., 1958, сс. 187-193.

xx) Там же, сс.103-104, под названием С отчизной.

xxx) См., например, в книге: В.Териан. Избранное. Ереван. 1941, с.56.

Армянским стихотворениям В.Ф.Ходасевича повезло несравненно больше, нежели его прочим переводам /и, тем более, его оригинальным стихам/: все они, несмотря на появление новых переводов, неоднократно переиздавались, — в частности, в 1966 и в 1973, в составе факсимильно воспроизведенной ереванским издательством Айастан книги Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней.

Следующая по очереди инородческая антология — Сборник латышской литературы — вышла в петроградском издательстве Парус в конце 1916, под совместной редакцией В.Брюсова и М. Горького. Она открывается очерком латышской литературы, автор которого, находившийся в лондонской эмиграции известный революционер и публицист И.Э.Янсон-Браун /1872-1917/, как бы вторя П.Макинцянчу, писал: "Теперь латышский край растоптан войной: истреблено не только цветущее материальное состояние края, но и приостановлена общественная жизнь края, разбросано и уничтожено все, что с горячей любовью и упорным трудом было создано культурной работой. Будущности латышского народа, как известного культурного единства, грозит серьезная опасность: как бы война ни кончилась, она не может вернуть латышскому народу все его громадные культурные потери..." В.Ф.Ходасевич перевел для книги пять стихотворений своих латышских современников: Небытие, знаменитой поэтессы Эльзы Жиекшан, публиковавшей свои стихи под псевдонимом Аспазия; Вечером, основоположника жанра поэтической сказки в Латвии Кирла Скальбе; Два мира, крупнейшего латвийского поэта и беллетриста Прудона; а также стихи поэтов-революционеров, находившихся в то время в политической эмиграции: Отвержение Агнесдедьса и Черные цветы Шалкона. Латышские стихотворения Ходасевича не равноценны в плане их собственно переводческих качеств. Так, если переводя стихотворение Аспазии, поэт сумел с удивительной точностью воспроизвести как музыку, так и смысловое содержание оригинала, дав своего рода эталон переводческого мастерства, — то в его переводе большого стихотворения Прудона обнаруживаются смысловые расхождения с оригиналом. Например, строки, венчающие это стихотворение, имеют несколько иной философский оттенок, родствен- ный скорее поэзии самого переводчика, нежели его латышского

еобрата. Подстрочный перевод этого фрагмента, рисующего скорбь вловы рыбака, таков: "И сосны дн шумят, /И морские волны храпят: /Поют ее жизни угрюмую песню могилы... /^{х)}". В русском варианте, предложенном Ходасевичем, эти стихи приобретают более общий смысл - за счет утраты местоимения ее:

А гулкий шум дерев
И волн суровый рев
Звучат над жизнью песней похоронной.

Семантические погрешности такого рода, вообще говоря, не свойственны переводам Ходасевича, зато вполне обычны в переводческой практике начала века /см., например, знаменитый перевод Реквиема того же Плудона, выполненный А.Блоком/. Более точно стихотворение Два мира перевел впоследствии Вл. Невский ^{xx)}. Упомянем также перевод Л.Копыловой ^{xxx)}. Все прочие латышские переводы В.Ф.Ходасевича - единственные в русской литературе.

Последним по счету инородческим сборником, вышедшим по инициативе В.Брюсова и М.Горького, стал Сборник финляндской литературы. Он появился в издательстве Парус вскоре после февральской революции 1917 года. Ходасевич перевел для него пять пьес: Песню торпаря и балладу Синий крест, признанного главы неоромантизма в финской литературе Эйно Лейно; два стихотворения представителей "шведского" направления в литературе Финляндии: Усталые деревья Микаэла Любека и Мечтатель Ялмара Прокопе; стихотворение У костра будущего академика Вейко Коскенниеми. Ни одно из этих стихотворений на русский язык никогда более не переводилось и, исключая Песню торпаря, ни разу не было перепечатано.

Переводы из Э.Лейно являются несомненной удачей В.Ф.Ходасевича. Можно предположить, что в основе этой удачи лежит духовное родство двух поэтов, с их одинаково трагическим ощущением действительности и скорбью по неосуществившимся гуманистическим идеалам. Песня торпаря - это рассказ о гор-

х) По книге: V. Plūdons. Izlase. Rīga, 1965.

xx) См. книгу: В. Плудон. В солнечные дали. Избранное. Рига, 1959.

xxx) См. книгу: В. Плудон. Избранное. Рига, 1970.

дом отшельника, навеянный через всю жизнь пронесенной мечтой — Э.Лейне об уединенном "домишке поэта" /осуществлению этой мечты воспрепятствовали бедность и душевное расстройство — поэт умер в больнице, едва накопив денег для покупки участка земли/.^{х)} Эта тема должна была быть близка автору Счастливого Домика и Тяжелой Лирн. В ней есть мотив изгнаничества, и нам не кажется излишней смелостью предположить, что Ходасевич, в невеселом предвидении своего собственного будущего, воспринял его как личный:

Долго стою я, гляжу озабоченно...
Гостя не видно, пустынна обочина...
Нет, не простят: вся деревня обижена
Тем, как счастливая строилась хижина.

Естественным продолжением работы над инороческими сборниками явились для В.Ф.Ходасевича переводы из еврейской поэзии. Начало этой своеобразной странице творчества поэта положило его содружество с Л.Б.Яффе, под совместной редакцией с которым Ходасевич выпустил в 1918, в московском издательстве Сафрут, книгу Еврейская Антология, выдержавшую несколько переизданий. В нее вошли переводы В.Врысова, Вяч.Иванова, Ф. Сологуба и других русских поэтов, а также таких знатоков еврейской поэзии как: Вл.Лаботинский, С.Маршак, О.Румер и Е. Жиркова. Одно из включенных в нее стихотворений переведено второй женой Ходасевича — А.И.Ходасевич /Чулковой/, подписавшей свои сочинения псевдонимом София Бекетова. Самому В.Ф.Ходасевичу, помимо общей редакции стихотворных текстов, вошедших в книгу^{хх)}, принадлежит собственно перевод три-

х) Эту биографическую подробность сообщает Л.А.Виролайнен во вступительной статье к книге: Э.Лейне. Избранное. ГИХЛ, М.-Л., 1959.

хх) Во второй части редакционной статьи Антология, которая по видимому написана Ходасевичем, читаем: "Весь труд по составлению сборника /т.е. выбор авторов и отдельных произведений, а также расположение материала/ выполнен Л.Б. Яффе... В.Ф.Ходасевичу принадлежит редакция самих переводов как таковых..."

надцати стихотворений шести еврейских поэтов: Давида Фришмана, Саула Черниховского, Залмана Шнеура, Давида Шимановича, Авраама Бен-Ицхака и Исаака Кацнельсона. Стихотворение последнего Родина, как и стихотворение З.Шнеура Под звуки ман-полюны появились в Антологии под одним из десяти известных нам псевдонимов Ходасевича: О.Маслов.

Переводы с иврита увлекли В.Ф.Ходасевича настолько, что вскоре у него возникла потребность издать их отдельной книгой, которая и появилась в 1922, в издательстве З.И.Гржебина, под названием Из еврейских поэтов. В ней мы находим в новой редакции все переводы Ходасевича, бывшие в Антологии, за исключением упомянутого стихотворения И.Кацнельсона, а также новые выполненные к этому времени переводы: Предводителю хора Хаима Нахмана Бялика; Завет Авраама и Вареники С.Черниховского. В предисловии к сборнику, как бы подводя итог переводческой деятельности последних лет, В.Ф.Ходасевич отмечал: "Творчество поэтов, пишущих в настоящее время на древне-еврейском языке, оказалось для меня наиболее ценным и близким. Переводам с древне-еврейского я уделил наиболее времени и труда". Это признание задает вопрос о значении еврейских переводов в творчестве Ходасевича, к настоящему времени изученный совершенно недостаточно. Так, непосредственное влияние С.Черниховского явно прослеживается в отрывке На Пасхе, написанном в 1918 дактилическим гекзаметром — факт, недавно отмеченный Ю.Колкером ^{х)}, который, кроме того, полагает, что и нерифмованные ямбические стихи Ходасевича из Путем Зерна, и Тяжелой Дирн навеяны музой С.Черниховского. На наш взгляд интерес Ходасевича к еврейским поэтам не связан с их формальными исканиями. Среди глубинных причин, этот интерес возбуждавших, важно отметить следующую. Извечный рок чужеродности, тяготеющий над еврейским племенем, сродни року изгнанничества, знакомому поэтам со времен Архилоха и Овидия. В нашем случае он еще усиливался нерусским происхождением Ходасевича — переводивший стихи инородцев поэт, по собственному признанию, сам был "России пасынком". Свойственное ему постоянное ощущение обособленности, чужеродности "в тьме гробовой

х) Саул Черниховский и Владислав Ходасевич, Ленинградский еврейский альманах. Самиздат, вып.1, сент. 1982, сс.41-45.

российской", а в палейнейшем и в его полудобровольном изгнании, породившем ностальгическую музыку стихов Европейской Ночи, — созвучны настроениям замечательной плеяды еврейских поэтов старой России.

Современники высоко оценили еврейские переводы В.Ф.Ходасевича. Как и Антология, книга Из еврейских поэтов была переиздана сразу после первого выпуска и широко рецензировалась в периодической печати тех лет. Вот, например, что писал о ней Д.Выгодский в 1922 ^{х)}: "...надо отдать справедливость переводчику: он со своей задачей справился блестяще. Совершенные с точки зрения русского читателя, его стихи являются почти полное приближение к еврейскому подлиннику, и если рассматривать каждое стихотворение отдельно, то, так сказать, органический дефект переводов оказывается очень удачно замаскированным..." Органический дефект, о котором говорит критик — перевод с подстрочника. В предисловии к книге В.Ф.Ходасевич писал: "Должен указать, что предлагаемые переводы, по незнанию мною древне-еврейского языка, сделаны не с подлинников, а с буквальных подстрочных переводов... Само собой разумеется, что точность переводов была моей постоянной заботой. Однако, переводя с подстрочника, я все время пользовался латинской транскрипцией еврейского текста. Таким образом, звуковые особенности подлинников, как то метр, построение строф, характер рифм, число строк и проч. мною сохранены. По возможности я старался передать и особенности инструментовки..."

Предлагаемая читателю подборка из семи поэтических переводов В.Ф. Ходасевича, разумеется, лишь в малой степени дает представление о высоте мастерства и значении его переводческой деятельности. Полная коллекция обнаруженных нами

^{х)} Восток, 1922, № 1, сс. 115-116.

переводов, а также краткие биографические справки о переводимых поэтах, опубликованы во втором томе Собрания Стихотворений В.Ф.Ходасевича /Ред. и примеч. М.Колкера., Л., Самиздат. 1982/. Среди не найденных нами переводов - стихотворения К Украине М. Старицкого, "И будут последние дни..." Э.Шнеура, "Звучит похоронный..." Аспазии. Поэма С.Черниховского Свальба Эльки, последний, уже зарубежный, перевод Ходасевича, оказался нам не доступен. Упомянем, что помимо "иностранческой" поэзии, В.Ф.Ходасевич переводил стихи Р.Л.Стивенсона и Э.Верхарна; известно о существовании в его переводе английской детской песенки. Мы допускаем, что в дальнейшем могут обнаружиться и другие, вовсе не известные нам переводы.

Чатырдаг

Трепещет мусульман, стопы твои любая,
На крымском корабле ты - мачта, Чатырдаг!
О мира минарет! Гор грозный падишах!
Над скалами земли главу до туч вздымая,
Как сильный Гавриил перед чертогом рая,
Воссел недвижно ты в небесных воротах.
Дремучий лес - твой плащ, а молнии сеют страх,
Твою чалму из туч парчею расшивая.
Нас солнце пепелит; туманом дол мрачим;
Жрет саранча посев; глур скигает доми, -
Тебе, о Чатырдаг, волненья незнакомы.

Меж небом и землей толмач, - к стопам своим
Повергнув племена, народы, земли, громы,
Ты внемлешь только то, что Бог глаголет им.

Триолет

Так! Больше не скажу я ни увн! ни ах!
Мне вечно горевать, вам слушать надоело.
Веселый триолет пускай звучит в стихах.
Но повториться все ж должны увн! и ах!
Адам - любовник, друг, поэт: на всех путях
Все то же правило судьба ввести сумела:
Он должен повторять свои увн! и ах! -
Хотя мне горевать, вам слушать надоело.

Примечание: оба перевода выполнены в октябре-декабре 1915;
печатаются по изданию: С.Бэлза. К истории русских переводов
Мицкевича. /Советское славяноведение, 1970, №6, сс. 67-73./ -
Перевод сонета Чатырдаг был, кроме того, опубликован в кни-
ге: Адам Мицкевич. Сонеты. Л., 1976, с. 215.

Та, что не погибла

1

О, брат мой милый! дети
Одной родной страны,
Мы в двух враждебных станах
Стоять осуждены.

Под ревом чуждых пушек
Стоим в кровавых рвах, --
Стоим друг против друга --
Ты -- враг мой, я -- твой враг.

Лес плачет, нива плачет,
В огне церковей кресты...
И в двух враждебных станах
Стоим мы -- я и ты.

II

Чуть загрохочут пушки,
При первом блеске дня,
Ты свистом пуль смертельных
Приветствуешь меня.

На низкие окопы
Шрапнельный мечешь град,
Зовешь меня и кличешь:
-- Я здесь, твой брат, твой брат!

Лес плачет, нива плачет,
Вдали звучит набат,
А ты меня все кличешь:
-- Я здесь, твой брат, твой брат!...

III

Забудь меня, о, брат мой,
Идя на смертный бой.
В огне моих снарядов,
Как рыцарь, храбро стой.

Когда ж меня увидишь,
Прицелься и стреляй -
И в грудь поляка пулю
Немецкую вонзай!

Ведь Та, что не погибла,
/Стреляй же, брат, верней!/
Взойдет из нашей крови
Над пашней этих дней.

Примечание: перевод выполнен 9-го окт. 1914;
печатается по изданию: Мы помним Польшу. Из-во
Прометей, М., 1915. Первая часть стихотворения
ранее была опубликована в альманахе В эти дни, М.,
Наши дни. Оригинал - из одноименного сборника Э.
Слоньского (1915). /Та, co nie zginieła .. 1915./

На Родине

Неспешно влекусь на усталом коне.
Как скучен блужданий запутанный путь!
О, если бы мог я забыть, оттолкнуть
Былые мечты, изменившие мне!

Отчаяньем, горечью, скорбью, стыдом
Наполнено сердце мое навсегда.
Кругом распростерлись тьма, смерть и беда:
Разрушен, разрушен ты, отчий мой дом!

И сколько бы ночь ни спускалась темней,
Куда бы ни дел я главу преклонить, -
На землю родную, увы, не ступить
По черной дороге безрадостных дней.

Минувшее - рана, язвящая грудь.
Все думы - как боль, что впились навсегда.
Кругом - разоренье, тьма, смерть и беда,
И мраком окутан запутанный путь.

И все беспощаднее в сердце моем
Токи и отчаянья жгучий кинжал, -
И нет уж тебя, ты преданием стал,
В мечту обратился ты, отчий мой дом.

Ах, в этом краю, запредельном, глухом,
Упасть, умереть и пропасть без следа,
И быть позабытым, как ты, навсегда, -
Мечта безнадежная, отчий мой дом!

Примечание: перевод датирован декабрем 1915; печатается по изданию: Сборник Армянской литературы, из-во Парус, Пг., 1916. Оригинал - из цикла Ночь и воспоминания /1908-1912/ входит в состав второй книги стихов В.Теряна.

Небытие

Ах, гнет земли стряхнуть бы с плеч!
Все позабыть, все сбросить, сечь, -
Груз жизни, груз воспоминаний!

Веселой, легкой, нежной быть
И белой снежинкой плыть
В волнах серебряных, - в Нирване!

Примечание: перевод датирован ноябрем 1915; печатается по изданию: Сборник Латвийской литературы., из-во Парус, Цг., 1916. Аспазия - псевдоним Эльзы Плиекшан /урожд. Розенберг/. Приводим подстрочный перевод стихотворения Аспазии, вошедшего в сборник Сумерки Души (1904):

Небытие

Ах, сбросить тяжести земли!
Без памяти, без сущности,
Все забыть, все стереть!

И нежной, легкой, улычивой
Как белая снежинка
Плыть в волнах серебряных Нирваны!

Из Эино Лейно /1878 - 1926/

Песня торпаря

Прочь из села перебрался в пустыню я,
В бор, где колышется озеро синее.
Домик решил я построить без плотников,
Сам по себе, без друзей и работников.

Я на поклон не отправился к пастору,
Не захотел подольщаться я к кистеру.
Односельчан я помощь не упрашивал
И богатея-купца не обхаживал.

Целое лето топор погромыхивал:
Сам я и мох между бревен запикивал,
Сам и отесывал доски сосновые;
К осени - вот она, хижина новая!

Спрятался домик мой в чаще за ельником,
Так и живу - бобылем и отшельником.
Свадьба ль в селе, или праздник - все дома я,
Но и ко мне не приходят знакомые.

Вечером летним, от всех удалившийся,
Долго смотрю я на колос налившийся,
Долго стою над водой вечерющей,
Вьется над ней дымок голубеющий.

С грустью смотрю на дорогу я длинную,
Вечно без путника, вечно пустынную...
Что ж не идет он на счастье позариться,
В жарко натопленной бане попариться?

Долго стою я, гляжу озабоченно...
Гостя не видно, пустынна обочина...
Нет, не простят: вся деревня обижена
Тем, как счастливая строилась хижина.

Примечание: перевод датирован 16/IV - 1916; печатается по изданию: Сборник финляндской литературы, из-во Парус, Пг., 1917; стихотворение было переиздано в книгах: Э. Лейно. Избранное М.-Л., 1959. и Поэзия Финляндии М., 1962. Торпарь - финск. *torppari* от *torppa*, избушка, - бедняк, не имеющий собственной земли. Оригинал из сборника Ночная пряжа /1897/.

...Я же остался при госте, и много чудес рассказав он
О патриарших гробницах, о том, как люди над прахом
Западной плачут стены, и как всенародно справляют
Празднество сына Мохам...

И слушать его не устанешь.
Вевеле рядом сидел: глаза у него разгорелись,
Взор, как железо к магниту, стремился к редкому гостю.
Каждое слово ловя, до поздней ночи сидел он
И уходить не хотел. Когда же на утро уехал
Этот мешулох от нас, наш Вевеле с ним не простился.
Думали мы: "Неизвестно, кого он еще теперь кормит".
Зная все штуки его, все бредни, мы были спокойны.
Но и обеденный час миновал, - а Вевеле нету.
Страшно мне стало за сына. Искали, искали - исчез он,
Точно в колодезь упал. Спросили соседей: быть может,
Видели мальчика? Нет... Под вечер его на дороге
Встретил знакомый один и привел. От стужи прожал он.
В эту же ночь запылал малыш, в жару заметался,
Плакал, что больно в боку, - а сам все таял и таял...
Только три дня - и готов.

Уж после все объяснилось.

Мальчик ни больше, ни меньше, как сам идти в Палестину
Вздумал - и стал старика у околицы жрать. Ну, мешулох
С ним пошутит и немного подвез его по дороге.
Что же? с телеги сойдя, заупрямился мальчик и вздумал
Дальше идти хоть пешком - и отправился по снегу, в стужу.
Встретил крестьянин его - и привел. Конечно, мы знали,
Что простоват мальчуган, но и прежде казалось нам также,
Что не от мира сего он вышел и в нашем семействе
Гостем он был необычным... Но что за душа золотая!
Умер - и нет уж ее, и дом опустел, омрачился.
Пусто сегодня на рынке, и вот я полумал: зайду-ка
Вевеле-дурня проведать. Небось по отце стосковался.
Мимо кладбища, где гом лежат, проходил я и видел:

И все оно тонет в цветах, над могилами ивы склонились.
И одурел я совсем, реб Мойше: взял да и бросил
Сыну цветов на могилку: ведь как он любил, как любил их!"
Симха вздохнул и умолк. ...

Примечание: перевод идишским выполнен полностью в сентябре-октябре 1917; печатается по изданию: Владислав Хопасевич. Из еврейских поэтов., из-во З.И.Гржебина, Пб. - Берлин., 1928; ранее - в книге: Еврейская антология., из-во Сафрут, М., 1918. Оригинал написан в 1905.

Мешулох - посланец, уполномоченный сборщик для палестинских учреждений; празднество сына Мохаи - устраивается ежегодно в Мироне, в Галилее, на могиле талмудического ученого равви Симона бар-Мохаи.

oooooooooooo